

онъ — создать новую религію, подчинить ей свой народъ и образовать новое, могущественное государство.

Энергичный, умный, обладавшій богатой фантазіей,—Магометъ съ дѣтства былъ любимъ въ средѣ простого народа. Онъ происходилъ изъ бѣдной семьи и былъ погонщикомъ верблюдовъ. Постоянно находился онъ въ обществѣ простыхъ людей, жилъ съ ними одной жизнью, одними интересами; въ концѣ-концовъ онъ до тонкости изучилъ вкусы, наклонности, потребности ихъ; кромѣ того онъ наслушался множества сказаній, преданій и легендъ народныхъ изъ глубокой старины.

Двадцать три года обдумывалъ Магометъ свою идею, и въ то же время составлялъ свою священную книгу Коранъ, которая должна была лечь въ основу его ученія о Богѣ.

Онъ проповѣдывалъ о чистой нравственности, но на-ряду съ этимъ старался обѣщаніемъ грубыхъ наградъ за исповѣдываніе вѣры отъ Бога подкупить въ свою пользу простой народъ.

Магомету шелъ уже 40-й годъ, когда онъ началъ проповѣдывать свое ученіе. И это новое ученіе пришлось его соплеменникамъ по сердцу. Они поняли сразу, что имъ надо было вести жизнь такъ, какъ того хотѣлось каждому изъ нихъ. Безпечность, вѣра въ неизбежность судьбы, войны за свою религію,—это такъ было просто исполнять, что не требовалось даже себя насиловать.

Ученіе Магомета приурочено къ обыденной жизни и крайне понятно, такъ какъ въ основѣ его заложены не отвлеченныя понятія, а все то, что человѣкъ видитъ, осязаетъ и чувствуетъ. Ученіе Магомета внушало ужасную мысль вѣрующимъ: полное порабощеніе всего міра ихъ религіи.

Онъ говорилъ, что правовѣрный, т. е. магометанинъ, долженъ всячески, даже силой, обращать въ магометанство невѣрныхъ, а противящихся этому ученію убивать. За это въ будущей райской жизни Магометъ обѣщалъ завлекательную награду, то-есть обѣщалъ дать каждому сытую, обезпеченную жизнь богатаго человѣка, роскошь, веселье и развлеченія.

Эту награду магометане могли легко усвоить, и она казалась имъ крайне лестной, особенно для тѣхъ, кто наголодался да потерпѣлся разныхъ лишеній.

Понимаете ли вы, какую страшную силу далъ Магометъ своимъ послѣдователямъ? Онъ какъ бы развязалъ имъ руки,—и магометане хорошо поняли свою силу. И съ той поры въ теченіе многихъ вѣковъ—они заставляли трепетать весь христіанскій міръ...

IV. Сила поднимается.

Бодро поднялись одушевленные Магометомъ люди и лавиной устремились на Палестину. Они напали на Іерусалимъ, бѣшено разграбили его и настроили мечетей на мѣстѣ храмовъ. Пока правилъ калифъ Омаръ, палестинскимъ христіанамъ было еще ничего себѣ жить. Но умеръ Омаръ,—и настали для нихъ тяжелыя, безпросвѣтныя времена.

И все-таки паломники шли и шли ко Гробу Господнему, рѣшаясь лучше подвергнуться смерти, нежели отказаться отъ поклоненія Спасителю.

Имъ плохо приходилось въ Святой Землѣ: ихъ грабили, разоряли, преслѣдовали мусульмане, желая насильно обратить ихъ въ магометанство. А тѣ, кто упорствовали, подвергались пыткамъ, позору и смерти.

Нѣсколько легче стало христіанамъ въ царствованіе мудраго калифа Гарунъ-аль-Рашида; онъ установилъ строгій порядокъ въ своихъ владѣніяхъ; завелъ дружескія отношенія съ императоромъ Карломъ Великимъ, отчего и паломникамъ въ Святой Землѣ стало немного легче. Для нихъ были устроены страннопріимные дома, была учреждена охрана иноземцевъ и ихъ имуществъ отъ разграбленія; при домахъ были устроены сады, виноградники, обработанные поля, и на доходы съ нихъ да на пожертвованія и существовали эти учрежденія.

Частыя посѣщенія Святой Земли какъ-то сдружили и сроднили христіанъ Востока съ христіанами Запада. Нерѣдко іерусалимскіе патріархи обращались къ европейскимъ христіанамъ съ просьбой помочь имъ, описывая бѣдность ихъ церкви, указывая на то, что служители церкви нищенствуютъ, голодаютъ по цѣлымъ суткамъ. И Европа отзывалась на это охотно.

Послѣ Гарунъ-аль-Рашида у самихъ мусульманъ пошли распри, войны междоусобныя, и мусульмане ослабѣли совершенно. Вотъ тутъ-то греки (византійцы), было, и ободрились: нѣсколько удачныхъ побѣдъ византійскаго императора Іоанна Цимисхія надъ мусульманами совсѣмъ оживили христіанъ. Да умеръ Цимисхій, и вскорѣ послѣ того мусульмане снова стали тѣснить христіанъ въ яростномъ безуміи, доходившемъ до фанатизма *).

V. Бѣдствія христіанъ.

Горькія времена настали для христіанъ, горше прежняго. Мусульмане не только мучили христіанъ, а нарочно оскорбляли ихъ

религіозное чувство: запрещали службы, торжественныя церемоніи, церкви, напри-мѣръ, обращали въ конюшни.

Отправился въ Іерусалимъ папа Сильвестръ II,—и ужасъ объялъ его при видѣ бѣдствія христіанъ. Его письмо къ европейскимъ христіанамъ впервые сразу возмутило всѣхъ, и повсюду только и стали говорить что объ этомъ.

Возмущенный этими вѣстями, собрался морской флотъ изъ Генуи, Пизы, но доплылъ онъ только до Сиріи и оттуда сталъ грозить сарацинамъ, да только еще хуже этимъ сдѣлалъ.

Сарацины ихъ не испугались, только еще строже начали слѣдить за іерусалимскими христіанами, еще яростнѣе стали всячески мучить и притѣснять ихъ.

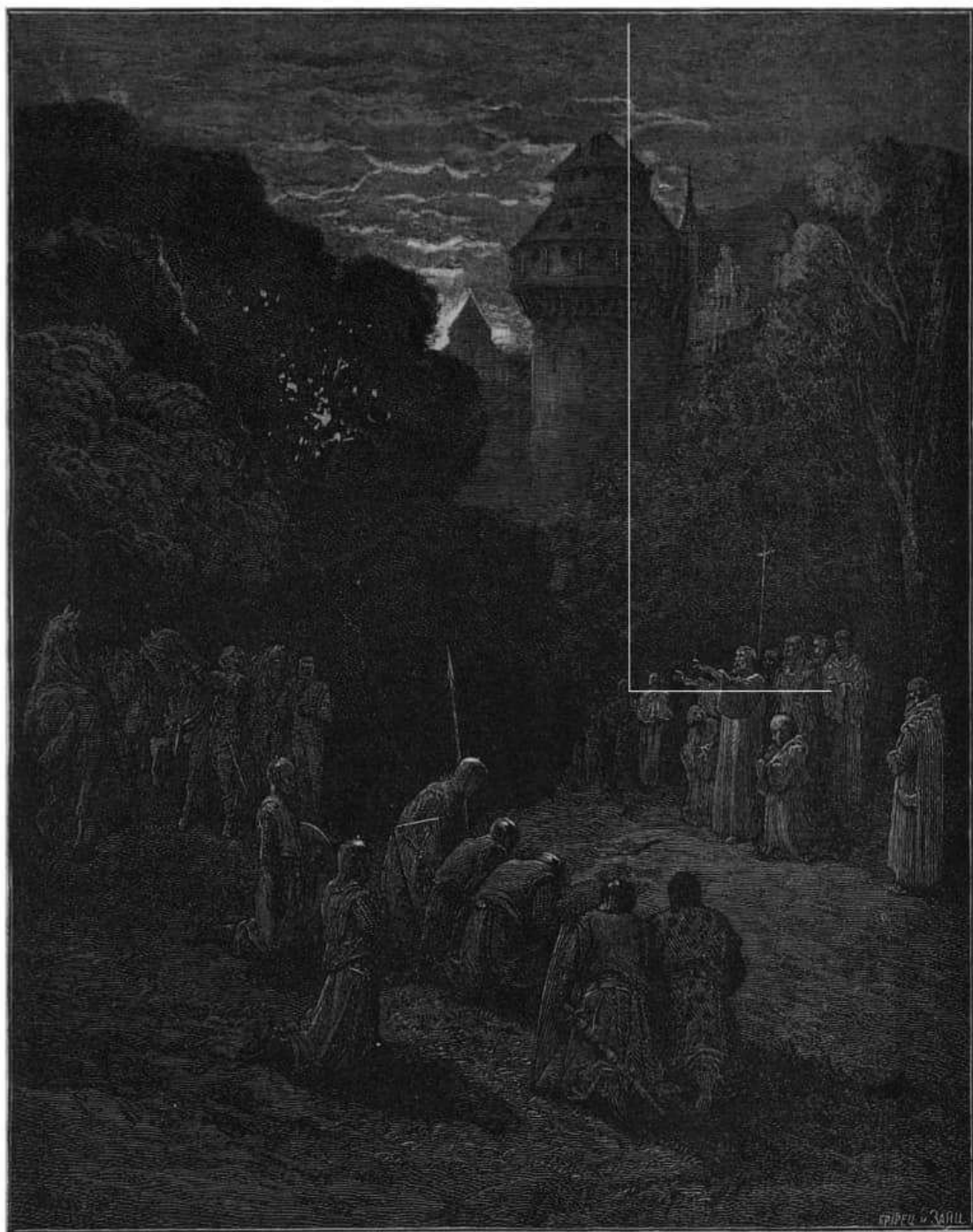
Стали грабить сарацины и Іерусалимъ, опустошая храмы; волей-неволей христіанамъ приходилось бѣжать тайкомъ.

А на Западѣ слухи объ этомъ страшно терзали всѣхъ, и всѣ со слезами на глазахъ передавали это другъ-другу.

Шелъ конецъ X вѣка,—и какое мрачное, какое тревожное было это время! Охватило какъ-то сразу всѣхъ людей смѣшанное чувство страха и озабоченности. Свои дѣла у каждого на задній планъ отошли; всѣ только объ одномъ думали, что гнѣвается Богъ на всѣхъ, насылаетъ бѣду за бѣдой, готовитъ міру Свой страшный судъ.

Въ Европѣ между тѣмъ всякія мелочи, всякія небесныя явленія и бѣдствія на землѣ примѣчали и приписывали это гнѣву Божію. На небѣ появлялись невѣдомыя кометы, метеоры; падалъ каменный дождь... Бѣдствіе шло за бѣдствіемъ, и никто ничѣмъ инымъ не хотѣлъ объяснить все это. Тѣмъ болѣе дорогимъ и нужнымъ становился Святой

*) Фанатикъ—человѣкъ, дѣйствующій слѣпо по убѣжденію, не отдавая никакого отчета ни уму, ни добрымъ порывамъ сердца.

Благословеніе крестоносцевъ въ походъ.

городъ, тѣмъ болѣе находилось людей, которые шли на поклоненіе гробу Господню, готовые на вѣрную смерть.

Эти странствія обращались уже въ какую-то привычку, потребность. Бросаетъ человекъ все дома, беретъ посохъ въ руки и отправляется въ путь. На него все смотрятъ какъ

на священную личность, провожаютъ и встрѣчаютъ съ рѣдкой торжественностью; въ чужихъ краяхъ ему все дома гостепріимно открыты. Иногда цѣлый отрядъ паломниковъ отправлялся въ Іерусалимъ, словно цѣлое войско.

Къ тому же судъ по закону отсылалъ въ

Святую Землю много народа за совершенныя преступления; тамъ несчастные должны были каяться и вымаливать себѣ у Бога прощенье.

Въ 1054 году епископъ Литбертъ сталъ во главѣ трехъ тысячъ паломниковъ, чтобы идти въ Палестину на помощь страдающимъ братьямъ-христіанамъ. Этотъ отрядъ назывался въ то время „войскомъ Божиимъ“. Да не дошло это войско до цѣли. По дорогѣ напали на него невѣдомые варвары и многихъ побили; другіе же умерли голодной смертью, такъ и не дойдя до Святой Земли.

VI. Новая сила.

Шелъ XI вѣкъ, и тутъ новая сила поднялась противъ христіанъ,—поднялась дико-воинственная масса турецкихъ племенъ.

Племена эти жили по берегамъ Каспійскаго и Аральскаго морей. Собралъ ихъ, сплотилъ вмѣстѣ умный и храбрый вождь Сельджукъ; по его имени и турки получили прозвище сельджуковъ. Приняли они магометанство и напали на Багдадъ и на мусульманъ, а потомъ прошли и полонили всю Малую Азію, разбили и войска византійскаго императора Романа Діогена. Теперь новые владыки утвердились на Востокѣ, и это были новые притѣснители христіанъ.

Дѣло становилось все ужаснѣе и ужаснѣе. Только тутъ европейцы-христіане сознали, что такъ дѣла оставить нельзя, что надо единодушно возстать на защиту христіанства. И въ то же время Византійская имперія обратилась къ Европѣ за помощью.

А въ то время въ Римѣ былъ папой (первосвященникъ церкви) Григорій VII,—умный, дальновидный человекъ.

Сумѣлъ онъ подчинить своей власти не только духовенство, а и государей, рыцарей и весь цародъ. Думалъ онъ всеѣмъ міромъ

управлять. Но онъ былъ главою западныхъ христіанъ, а Византія—восточныхъ христіанъ. Обѣ церкви были раздѣлены, каждая по-своему управлялась, каждая по-своему устраивала свои духовныя дѣла.

Сразу понялъ Григорій, что настало серьезное время, когда надо помочь Византіи, защитить ее отъ турокъ, а потомъ въ награду за помощь и потребовать, чтобы восточные христіане признали власть Римской церкви и соединились съ ней.

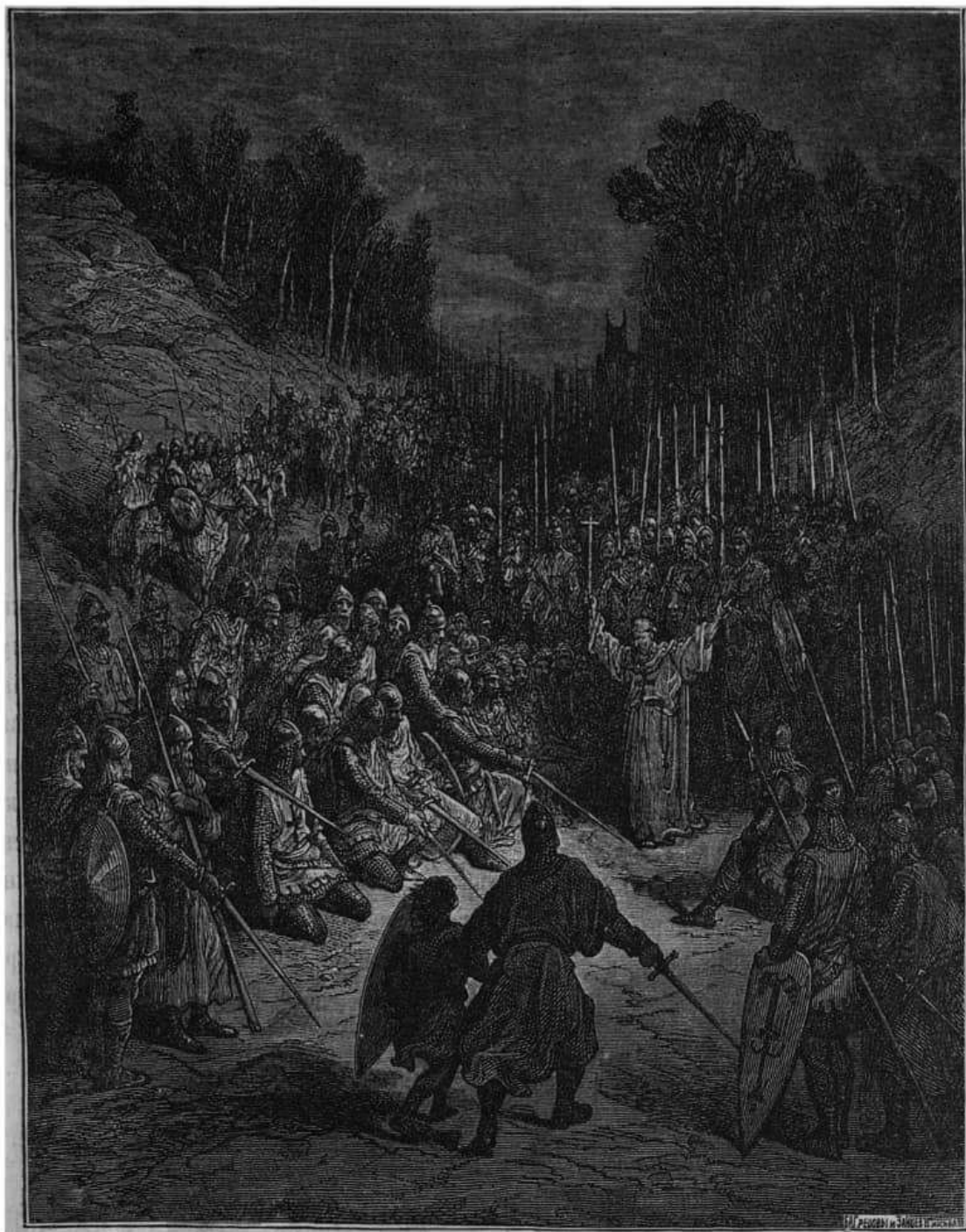
Дѣятельно началъ собирать онъ войско для этого похода на Востокъ. Цѣлый годъ (1074) въ посланіяхъ созывалъ онъ вѣрующихъ людей на это дѣло, и собралось вокругъ него войско до 50.000 человекъ. Сначала онъ самъ хотѣлъ стать во главѣ ихъ, но въ это время помѣшали другія дѣла Церкви. Такъ и неудался этотъ походъ.

Нѣсколько лѣтъ прошло, и бѣда отъ притѣсненій турокъ все росла да росла. А вмѣстѣ съ тѣмъ среди рыцарей и юношей-христіанъ въ Европѣ росло непріязненное чувство противъ мусульманъ.

Шелъ 1095-й годъ. Въ Римѣ въ это время былъ папой Урбанъ II, который твердо рѣшилъ идти на помощь Византіи. Да и пора было. Императоръ Алексѣй отчаянно умолялъ папу оказать ему поддержку. И папа Урбанъ II рѣшилъ исполнить его просьбу. Онъ задумалъ начать дѣло именно съ этого, а затѣмъ, ослабивъ силу турокъ, идти на освобожденіе Палестины. Онъ хорошо видѣлъ настроеніе народа, но только не былъ увѣренъ въ немъ,—поднимется ли все на самомъ дѣлѣ такъ

Папа Урбанъ II
(Со старинной
гравюры).

Проповѣдь Петра Пустынника.

единодушно, какъ говорятъ. Да и самъ онъ сомнѣвался въ себѣ,—можетъ ли онъ всецѣло овладѣть умомъ и волей народа. Надо испытать это на дѣлѣ. Тутъ совершенно неожиданно представился ему случай приготовить почву къ крестовымъ походамъ, испытать духъ и настроеніе народа.

VII. Петръ Пустынникъ.

«Гнѣвается Богъ, надо умиловить его»...—думали въ то время люди. Ихъ совѣсть мучила, и они задумывались о своей жизни. За что гнѣвается на нихъ Богъ? Такъ ли они живутъ, какъ велитъ евангеліе? Нѣтъ, далеко не такъ»...

Петръ Аміенскій въ Іерусалимѣ. (Со стар. рис.).

И тогда смертельный страхъ нападалъ на человѣка, и онъ приходилъ въ совершенное отчаяніе. Онъ бросалъ все — и семью, и добро свое, и покой, — удалялся въ пустыню, держалъ постъ и всячески изнурялъ себя. «Богъ-де увидитъ, что я мучаю себя для него, и смилостивится надъ нами»... И много такихъ людей-отшельниковъ образовалось въ то время.

Жилъ-былъ въ то время такой же отшельникъ Петръ Пустынникъ, изъ Пикардіи*) родомъ. Человѣкъ сильной воли, строгій, воздержанный, весь преданный религіи. Раньше онъ и на войнѣ бывалъ, и въ міру, и въ церквахъ служилъ, да все ему было не по себѣ, все его совѣсть мучила.

И поступилъ онъ тогда въ одинъ суровый, строгій монастырь. Жилъ уединенно, все думая о Богѣ, молясь за людей по цѣлымъ ночамъ и истязая себя тѣмъ, что голодалъ и билъ себя веревкой по обнаженнымъ плечамъ.

Ярко сказывалось на этомъ человѣкѣ общее тревожное настроеніе, страхъ передъ Богомъ за недостойную жизнь.

*) Бывшая сѣв.-вост. провинція Франціи; главный городъ—Аміенъ, потому и Петръ Пустынникъ получилъ прозвище Петра Аміенскаго.

Отправился и онъ какъ-то на поклоненіе гробу Господню, да не удалось ему попасть въ Іерусалимъ. А между тѣмъ воочию увидѣлъ онъ общее разореніе страны, страданія христіанъ на Востокѣ, вымогательства турокъ, которые оскорбляли христіанъ, да и его не оставили въ покоѣ.

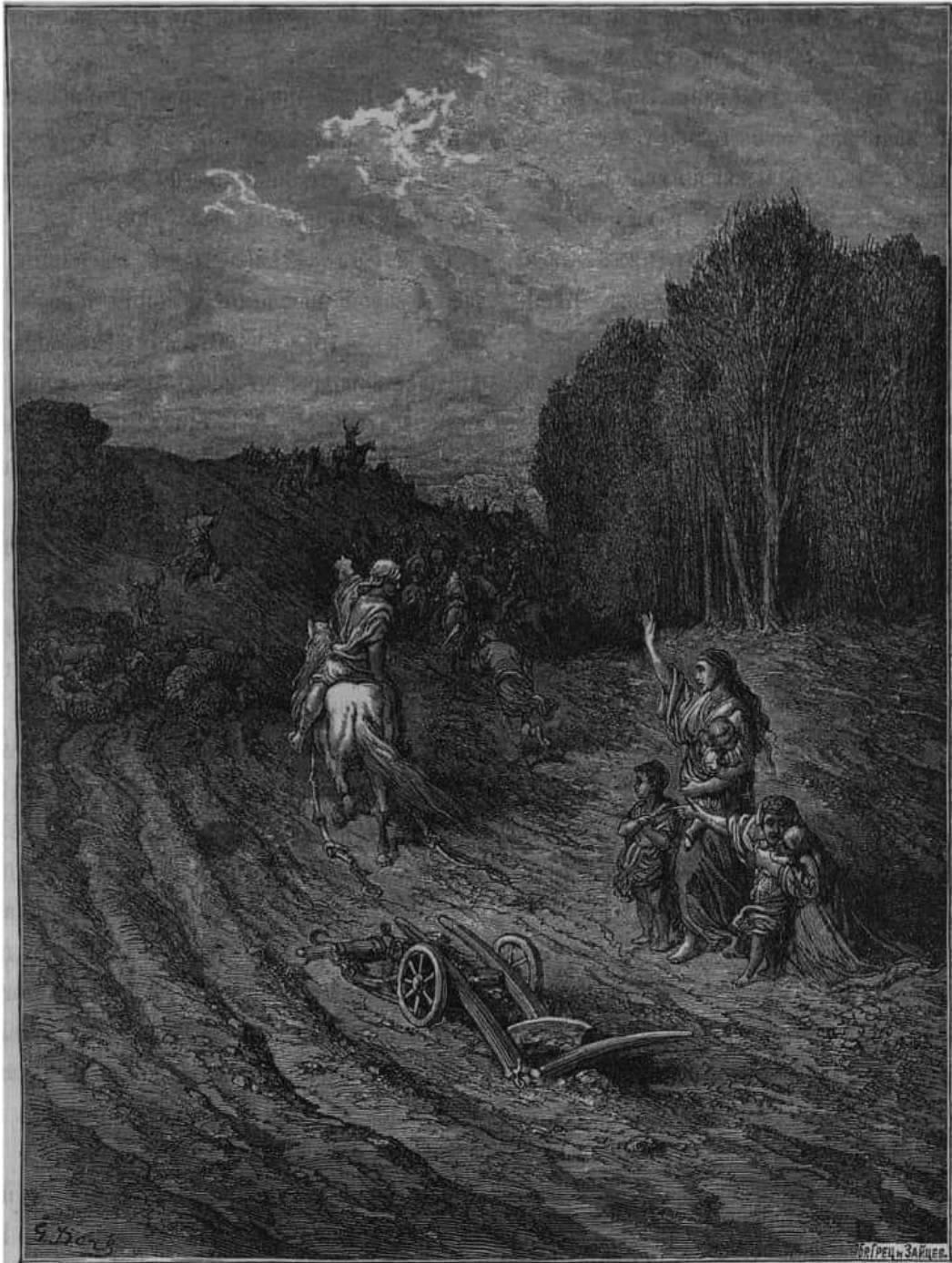
И исполнилось сердце его гнѣвомъ, и тогда же рѣшилъ онъ принять на себя роль защитника правды.

— «Господи! Ради имени Твоего, ради страдальцевъ буду убѣждать дома всѣхъ скорѣй и скорѣй снять иго невѣрныхъ!»... — искренно повторялъ онъ самъ про себя, и слезы градомъ лились изъ глазъ его, и въ безсильномъ отчаяніи ломалъ онъ руки.

Вотъ какимъ вернулся онъ въ Европу, въ Римъ. Весь горѣлъ онъ отъ нетерпѣнія; проповѣди его были одинъ вопль, — болѣзненный, страдальческій вопль, — и когда онъ добрался до папы Урбана II и бросился къ ногамъ его съ пламенной рѣчью и искренними слезами, самъ папа поддался вліянію силы возмущеннаго, изстрадавшагося сердца. И понялъ папа, что Петръ Пустынникъ при своей увлекающей, пылкой натурѣ, при

Церковь Гроби Господня.

«Такъ хочетъ Богъ!»...

своемъ знаніи простого народа, среди котораго онъ жилъ, сумѣетъ вдохновить толпу. И точно, не ошибся онъ въ немъ.

Съ этого началось движеніе римскихъ христіанъ, вспыхнуло общее негодованіе открыто и единодушно.

Худой, изможденный всяческими лишені-

ями, съ лихорадочно горящими глазами, въ рубищѣ, босой, загорѣлый отъ южнаго солнца — сильное впечатлѣніе производилъ Петръ Аміенскій уже однимъ своимъ видомъ на толпу.

Сидя на ослѣ, перекочевывалъ онъ всюду изъ селенія въ селеніе, съ Распятіемъ

въ рукахъ, съ обнаженной головой. И всюду его встрѣчали съ восторгомъ. Онъ объѣхалъ всю Францію и сосѣднія государства.

Когда начиналъ онъ говорить со слезами на глазахъ, прерывающимся отъ рыданій голосомъ, страстно, убѣжденно, — никто не могъ устоять передъ нимъ. Люди опускались на колѣни, падали ницъ, цѣловали край его рубища.

И вся толпа словно гипнотизировалась имъ. Люди забывали все, — и домъ, и семью, и работу, — и буквально бѣжали за нимъ слѣдомъ, чтобы только уловить каждое его слово...

Почему поддавался такъ общему настроенію народъ? Къ этому привело общее тяжелое настроеніе, постоянныя думы о смерти о Богѣ, потомъ частыя войны, неурядицы, голодъ. Все это объяснялось гнѣвомъ Божиимъ, и казалось такъ, что стоить начать крестовый походъ противъ сарацинъ, — и это сразу смягчитъ гнѣвъ Божій и Богъ сжалятся надъ ними и вернетъ имъ Свою милость...

Въ одну зиму Петръ Аміенскій собралъ огромную толпу своихъ послѣдователей, которая вся была настроена крайне фанатично, хотя тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти всѣхъ возрастовъ.

VIII. Соборы въ Піаченцѣ и Клермонѣ.

Между тѣмъ папа Урбанъ II созвалъ соборъ въ Піаченцѣ *) для рѣшенія вопроса объ этихъ походахъ. Огромная толпа собралась на этотъ соборъ. Здѣсь засѣдали свыше двухсотъ архіепископовъ и епископовъ, четыре тысячи священниковъ и мо-

*) Піаченца — итальянская провинція, въ области притоковъ рѣки По, Тибидона, Троббія и друг.

наховъ и до тридцати тысячъ рыцарей и простого народа.

Много было преній, много нашлось ужасающихъ свидѣтельствъ того, что творять мусульмане на Востокѣ, но ничего точнаго на этомъ соборѣ не было рѣшено.

Тогда былъ объявленъ въ Клермонѣ, во французской провинціи Оверни, новый соборъ, который собрался на Клермонской площади, покрытой несмѣтной толпой народа, и здѣсь снова поднять былъ вопросъ о томъ, что дѣлать и какъ быть съ произволомъ турокъ въ Святой Землѣ.

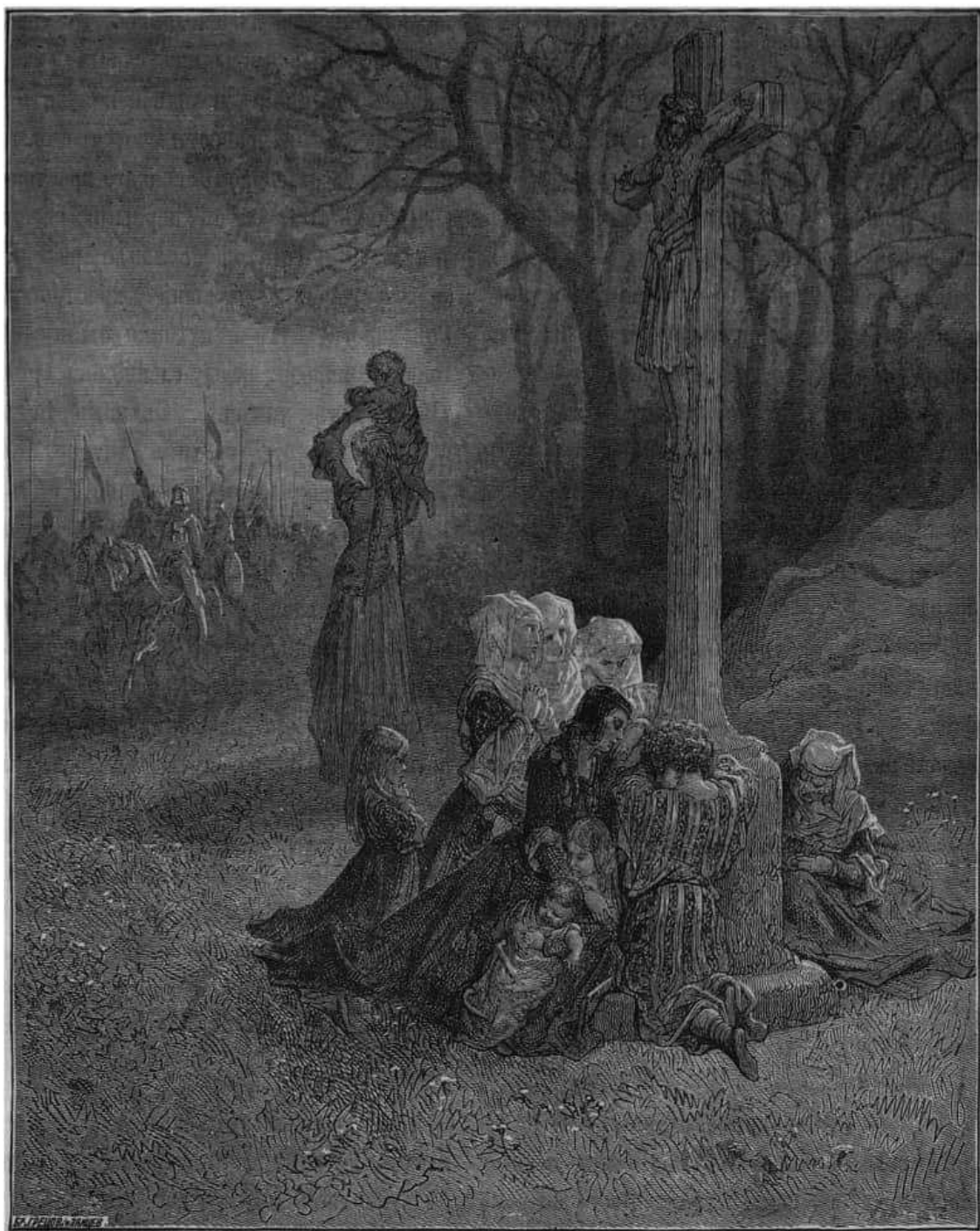
Явился и Петръ Пустынникъ на совѣтъ такой же возбужденный, энергичный непреклонный, а съ нимъ и его многочисленныя послѣдователи, которые тоже прониклись глубокой идеей его проповѣдей.

И снова заговорилъ онъ прерывающимся отъ слезъ голосомъ о томъ, что видѣлъ въ Святой Землѣ, какъ горе царитъ тамъ.

Какъ сверхъестественное видѣніе стояла его фигура предъ тысячами глазъ на видномъ мѣстѣ. Каждое слово его, каждое движеніе руки ловилось съ жадностью. Энтузіазмъ небывалый охватывалъ слушателей всецѣло. А когда онъ смолкъ и началъ рѣчь папа Урбанъ II, — порывъ дошелъ до всеобщаго увлеченія.

— «Наслѣдіе Христово, — говорилъ папа, — опозорено, порабощено; вѣрные сыны Божіи подвергнуты гоненіямъ и насилію; Европѣ угрожаютъ даже нечестивые мусульмане!.. Каждый пусть отвергнетъ себя и возьметъ на себя Крестъ Христовъ!»... — И папа страстно призывалъ народъ на помощь попираемой истинѣ, служить Богу живому...

Весь народъ рыдалъ вокругъ его престола; на призывъ его къ рыцарямъ едино-

Проводы крестоносцевъ.

гласно, пламенно толпа восторженными криками давала согласіе... И словно громъ неся надъ всѣмъ Клермономъ крикъ, вырванный изъ чистаго сердца народа:

— «Такъ хочетъ Богъ!.. Богъ того хочетъ!»...

И снова, и снова перекатывались эти

возгласы изъ многотысячной груди народа и не умолкали долго.

Давно сдерживаемая сила нашла себѣ русло, выходъ, и теперь ее удержать было невозможно. Это была стихійная пробудившаяся сила; то была не толпа, не одинъ человекъ, это было единое человѣчество.

IX. Броженіе въ народѣ.

Торжественно объѣхалъ папа Урбанъ II многія провинціи Франціи, Руанъ, Анжеръ, Туръ, Нимъ. А за нимъ валомъ валилъ народъ, толпы котораго съ каждымъ шагомъ все росли и росли.

Послѣ Клермонскаго собора всю зиму шли дѣятельныя приготовленія къ предстоящему походу. Въ крестоносцы шли охотно въ виду особыхъ привилегій. Имъ отпускались грѣхи, Церковь принимала подъ свое покровительство ихъ семьи и имущество крестоносцевъ; съ нихъ снимали подати, налоги, частные долги на время похода.

Теперь стремленіе завоевать Святую Землю стало единственнымъ интересомъ у всѣхъ. Рабочіе, ремесленники, пахари охладѣли къ работѣ; землю продавали за дешево, имущество—то же; даже преступные люди, скрывавшіеся до тѣхъ поръ отъ

правосудія, — и тѣ сходились въ города и вымаливали оказать имъ счастье участвовать въ крестовомъ походѣ и получить красный крестъ на правое плечо, что было отличительнымъ знакомъ всякаго крестоносца.

Прошла зима, и съ первыми весенними днями 1096 года еще сильнѣе разгорѣлось благочестивое стремленіе крестоносцевъ. Всѣ дороги, пути и путинки были усыяны толпами народа; всюду слышались крики:— «Богъ такъ хочетъ!.. Съ нами Богъ!»... А звуки трубъ, грохотъ литавръ, пѣніе псалмовъ покрывали эти крики.

Рыцари порѣшили между собою отправляться въ походъ каждый со своимъ отрядомъ въ разное время, разными путями, но только чтобы потомъ соединиться всѣмъ вмѣстѣ уже въ Константинополь.

Правильно организованное войско еще не поднималось; но народу ждать не хотѣлось, и тогда прежде всѣхъ тронулись въ путь многочисленные ополченія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Начало крестовыхъ походовъ.

1. Передовые отряды.

Тяжелы и безрезультатны были первые шаги крестоносцевъ. Стремленіе-то искреннее было, но въ минуту увлеченія, за словами никто даже представить себѣ не могъ, чего стоить только достигнуть Палестины.

По примѣру Петра Аміенскаго еще двое рыцарей, Вальтеръ Пексей и Вальтеръ Голякъ, собрали большія толпы жаждающихъ идти на освобожденіе Гроба Господня, и вся эта пестрая, неустроенная масса поднялась и двинулась въ путь какъ попало.

Идутъ первые крестоносцы по нѣмецкимъ землямъ, а нѣмцы подсмѣиваются надъ ними, укоряютъ ихъ.

— Вотъ,—говорятъ,—поддались простакі на обманныя, несбыточныя надежды, бросили свои дома и идутъ невѣдомо куда.

Но уже весною слѣдующаго года и сами нѣмцы, увлеченные общимъ настроеніемъ, тревожимые мыслями о гнѣвѣ Божиѣмъ, собрали сотни тысячъ крестоносцевъ изъ бѣдныхъ, разоренныхъ людей — монаховъ, крестьянъ, бродягъ и мелкихъ преступни-